

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

Сельские регионы российского Севера: что в будущем?*

Сельская Россия? Север Нечерноземья? В сознании современных обществоведов эти понятия подчас окружены ореолом неизвестности. Нередко мы лучше разбираемся в нюансах экономики и политики Западной Европы и США (а теперь и Китая), чем в состоянии собственной страны, начинающейся за концентрической полосой коттеджной застройки, сдавливающей мегаполисы. Пламенно рассуждая о настоящем и будущем России, мы нередко опираемся на поверхностные представления и чисто мифологические конструкции, не имеющие отношения к научным исследованиям. Можно сказать, что в массовом сознании стихийная истина сердца начинает преобладать над рациональной истиной ума. И жаль, ибо это серьезно осложняет нашу жизнь в самых различных ее ипостасях.

Один из стереотипов нашего восприятия поступательного развития экономики и социальной структуры состоит в том, что различные формы экономической деятельности и формирующаяся социальная структура должны захватывать все большие *пространства*, насыщая их хозяйственной деятельностью и разрастающимися поселениями. Говоря проще, экономика и социальная структура призваны расти экстенсивно: всего должно быть больше, по известному принципу *big is beautiful*. В этом нередко видится чуть ли не универсальный признак здоровья общества. Но будет ли это верным в применении к современному Северу России?

Наше восприятие северных районов России сформировалось исходя из традиционных характеристик. Развитие экономики и поселений, особенно в годы советской власти, привело к освоению огромных территорий и насыщению их экономической деятельностью, прежде всего сельским хозяйством. Колхозы и совхозы-гиганты распахивали огромные территории и увеличивали, невзирая на затраты, производство мясомолочной продукции. Леспромхозы вгрызались в лесные просторы, наполняя пространство лесовывозными дорогами и пилорами. К этому подтягивалась и инфраструктура в виде разрастающихся поселений, учреждений культуры, здравоохранения, торговли и пр.

Уход с арены социалистического планового хозяйства перевернул всю картину Севера. Это становится особенно очевидным в наши дни.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (гранты: 03-06-80422а «Тенденции "клеточной" глобализации в сельских сообществах современной России, теоретические и прикладные аспекты», 2003–2005; 06-06-80538а. «Глобализационная трансформация российского Севера: перспективы "очаговой" экономики и социальной структуры», 2006–2008).

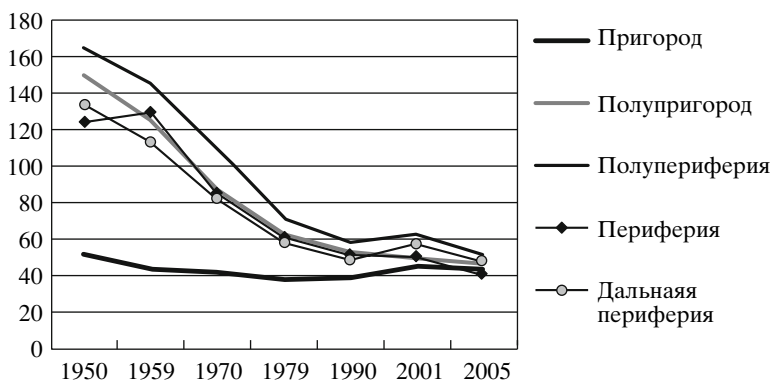

Рис. 1. Численность сельского населения Костромской области по мере удаления от Костромы с 1950 по 2005 гг., тыс. человек (данные Т. Нефедовой [Российский... 2006]).

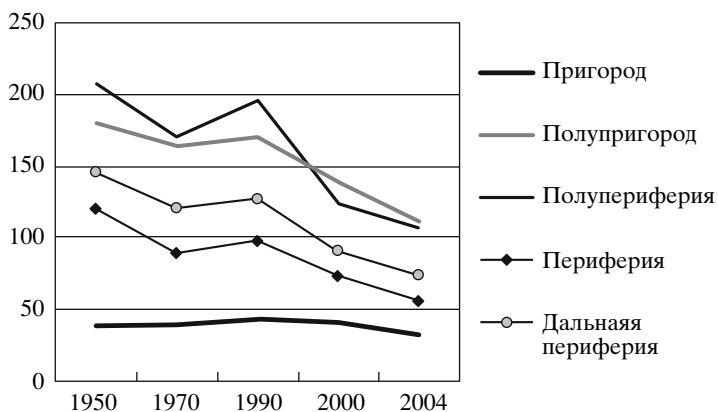

Рис. 2. Посевная площадь Костромской области по мере удаления от Костромы с 1950 по 2004 гг., тыс. га [Российский... 2006].

Отныне все формы хозяйственной деятельности в сельской России практически полностью помещены в контекст их себестоимости и соответствующей востребованности на российском и международном рынках. По инерции хозяйства Севера все еще производят сельскохозяйственную и иную традиционную продукцию, которая либо слишком затрата (и потому неконкурентоспособна), либо не имеет прямого спроса на рынке. Поэтому крупные и средние сельскохозяйственные и некоторые лесопромышленные предприятия уходят с таких территорий. Без их привычной помощи свертывают свою сельскохозяйственную деятельность и домохозяйства. Эти явления в экономике потянули за собой не только цепочку различных социальных кризисов (в миграции, народонаселении, культуре, поселениях и т.д.), но и значительные изменения в землепользовании, неадекватно отражаемые статистикой. Экономическое неблагополучие привело к тому, что природные ресурсы становятся чуть ли не единственным источником выживания населения. Фактически возникает эпическая картина ухода с северных территорий России самой цивилизации и возникновения обвальной ремиссии природной среды в ее мутирующих формах. Социальное пространство российского Севера сжимается. Оно уступает место пространству природному.

Этими и многими другими вопросами современного состояния северных регионов России озаботились члены междисциплинарной исследовательской группы, объеди-

нившиеся в рамках ряда последовательных грантов РФФИ. Был выбран регион для исследований – Мантуровский район Костромской области – настоящая русская глубинка. В группу вошли известные социологи, экономисты, психологи, географы, специалисты по управлению, государственные руководители, представители телевидения¹. Подавляющее большинство участников исследования – чисто городские жители, представляющие Москву и Саратов. Но они входят в ту часть городских специалистов-интеллектуалов, которые, в отличие от многих других, осознают всю важность и ценность сельской России и в теоретическом (геополитическом) плане, и в чисто повседневном, житейском. Более того, рассуждая о нынешних и будущих путях развития сельских сообществ на Севере России, участники исследования постоянно "заземляют" свой дискурс, предлагая практические решения практических задач.

Матрица клеточной глобализации

Как ни странно, но новое состояние российского общества более или менее сбалансировано и, более того, поддерживается широкими структурами мировой глобализации, казалось бы, столь далекими от нас. Говоря проще, весь мир развивается по схожим схемам, но со своими вариациями. В этом смысле наша страна – не исключение, а лишь инвариант общего состояния мирового сообщества.

В России наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым изменениям, но, напротив, в силу значительной ослабленности социальной структуры российского общества активно реализуется большинство глобалистических тенденций в их яркой "гибридной" форме. В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно стабильные западные общества, подвержено влиянию этих тенденций и выступает в качестве своеобразного "испытательного полигона", на котором апробируются те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявят себя в глобальном формате. Причем многие явно традиционно "нехорошие" и ненормативные процессы получают иную окраску в системе новых глобалистических координат.

"Идеальный тип" современной глобализации разрабатывается многими современными социологами-теоретиками (М. Арчер, Э. Гидденсом, Э. Тирикьяном, Р. Робертсоном и многими другими). Дж. Ритцер, автор теории "макдональдизации", лапидарно формулирует рационалистическую модель глобализованного общества в виде следующего набора признаков:

- *efficiency* (эффективность, прежде всего экономическая);
- *calculability* (просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей);
- *predictability* (предсказуемость, "ожидаемость");

¹ Состав группы: **Н. Покровский** – руководитель проекта, осуществляющий общее руководство исследованием, разработку теоретического концепта "очаговой" социальной структуры и ее глобализационных матриц; **А. Громов** – глава администрации Мантуровского района Костромской области, координирующий исследование на районном уровне, корреляцию исследования с реальными условиями местной экономики; **С. Бобылев** – доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (исследование и разработка новых форм экономически выгодной природоохранной деятельности в регионе исследований); **В. Петренко** – член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (исследование психосемантических коррелятов общественного мнения и сознания участников "очаговой" экономической деятельности); **Т. Нефедова** – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (взаимодействие разных укладов хозяйственной деятельности в очагах новой экономической активности при изменении природной среды и характера используемых ресурсов); **В. Иванов** – кинооператор и фотохудожник, член Союза кинематографистов РФ, главный оператор телеканала ТВЦ (проведение исследований с применением методики визуальной социологии, подготовка кино-фото документов); **В. Виноградский** – доктор философских наук, профессор Саратовского государственного университета, известнейший специалист по качественным методам исследования сельского населения.

– *control through Nonhuman Technologies* (управление посредством технологий без участия человека).

При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой. Мир XXI столетия рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых было лишено столетие прошлое. По сути, новый век, эпоха "посткапитализма" предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным сообществам под именем глобализации. Попытаться избежать ее так же бессмысленно, как в свое время было бессмысленно избежать капитализма (даже если его и называли социализмом).

Каковы же общие свойства компонентов глобализации с точки зрения содержащихся в них социальных матриц?

Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего согласно теории глобализации главный акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных "траекторий" социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодействии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимозависимости. Это подразумевает рост интереса социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальному охвату. Процесс изменений проникает во все микроструктуры общества (семья, малые сообщества, повседневность) и разгерметизирует ранее закрытые социальные образования. Быть замкнутым на себя и скрытым от внешнего мира сегодня означает закрытие своего собственного будущего. Любые формы социальной динамики связаны прежде всего с открытостью систем, образующих сетевые структуры общения, поддержки и социального контроля.

Характер социальных изменений влечет за собой и изменение восприятия социального времени. Отныне его траектория раскладывается на серию отрезков, каждому из которых соответствует отдельный, достаточно краткосрочный жизненный "проект". После окончания очередного проекта возникает новый, часто радикально меняющий ориентацию траектории развития. Подобная краткосрочная актуальность социальных практик пронизывает все уровни социальной структуры. Даже такие традиционные институты, как, например, семья, на наших глазах превращаются в экспериментальный проект для вовлеченных сторон. Все начинает носить временный характер и требует от субъектов большой и специфической динамики "вписывания" в эту краткосрочность.

Противопоставление глобального и локального. Другой аспект глобализации основывается на рассмотрении тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких "локальных" ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Короче, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс "отказа" от "старого" идет быстро, решительно, зримо. Причем всякое "новое" обладает, по мнению сторонников этой теории, заведомым преимуществом, поскольку оно "глобальное". Из этого в принципе следует, что это "глобальное" приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах. На первый взгляд, парадоксальным в этой ситуации выглядит то, что локальные структуры могут сохранить себя только в том случае, если они начинают образовывать сетевые связи, имеющие тенденцию к глобализации на своем

уровне. Значение вертикальных иерархий резко снижается. Информация, финансирование, помощь приходят по сетям с горизонтальных уровней, а не "сверху". Все уровни при этом дистанцируются друг от друга и живут самостоятельной и самодостаточной жизнью. Разочарование электората в макрополитике – хорошая иллюстрация этого тезиса. Аналогичные процессы роста взаимного равнодушия между горизонтальными уровнями происходят повсеместно и отражают развивающуюся тенденцию.

Множественность гибридов в области культуры. Теория глобализации радикально изменяет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуществу как нечто либо наследуемое, либо спускаемое "сверху" и "распространяемое". В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса "конфликтности" (*politicized contestation*). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных "социокультурных гибридов", с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Примордиальные (базовые) факторы и гражданское общество. Своеобразный поворот получает и тема "гражданского общества" в связи с приложением к ней теории глобализации. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся "примордиальные" (*primordial*) феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I* и проявляющие себя в контексте этнического начала, расы, пола, занимают все более важное положение в глобализационных процессах и институтах. Мозаичный набор социальных "типов" и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

Новая концепция рациональности. Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках "современного общества", приводя ее в соответствие с "постсовременным обществом", порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, то она и вырабатывает модели новой рациональности. При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в "теории мультикультурализма" (*multi-culturalism*), согласно которой при рассмотрении культурной "карты" той или иной региональной или профессиональной группы должен доминировать принцип полной мозаичности.

Современная картина. Социологические наблюдения

...Что сказать о мантуровском бытии в Костромской области? Как оно, это бытие, глобализируется, если глобализируется вообще?

Если говорить на социологическом языке, то Мантуровский район – зона сплошной социальной катастрофы, депрессивной экономики и всех неизбежных ее спутников. Если попроще, то природная среда медленно, да и не очень медленно отвоевывает у цивилизации все, прежде этой цивилизацией завоеванное. Деревни на глазах пустеют (закрываются по 6–10 домов за год), срубы еще несколько лет стоят, а потом сгнивают на корню. Сельские дороги и поля зарастают кустарником, не превращаясь при этом в полноценные леса, а мутируя в особую растительность, по большому счету бесполезную. Лесоповал постепенно уходит – все уже выпилили, осталась мелочь. Жители кормятся ягодным промыслом и браконьерством. Добраться до райцентра практически невозможно. Расстояние в 30 километров превращается в непреодолимое. Местная автобусная сеть почти перестала существовать, а дальнобойные маршрутные Икарусы не всякого возьмут, а если и возьмут, то по цене разденут.

Так люди и живут. И что же?

Экономическое мышление современных селян приобрело странноватый характер. С одной стороны, все они испили из чаши (подчас горькой) рыночных отношений, разрушивших патерналистский и родовой характер экономических зависимостей. Никто никому почти не помогает, каждый справляется со своими проблемами в одиночку. Люди прямо на глазах превращаются в индивидуалистические субъекты хозяйственной деятельности. Обменным эквивалентом все больше и больше становятся деньги, а не материальные предметы или же услуги, хотя и этого еще хватает, особенно среди пенсионеров. (В сельповских магазинчиках, на сто процентов частных, по-прежнему под прилавком держат замусоленные тетради в коленкорových обложках, куда записываются долги неплатежеспособных покупателей. Или долги москвичей, у которых не оказалось мелких купюр, а отпустить им товар пришлось.)

Деньги деньгами, но экономическая психология сельчан за этим не успевает. Она затормозилась где-то на предыдущем этапе. Истинной торговли и истинной выгоды своих действий в долговременной перспективе не видят, полагаясь на примитивный принцип "слупить, сколько можно, сейчас, а завтра будь, что будет".

Анализируя наблюдения, нам бывало трудно решить, что перед нами: признаки экономической заторможенности, отсталости либо нечто совсем иное – особая крестьянская прозорливость, сметка, неведомая городским. Можно рассудить и так и так. Местных жителей теперь ничем не удивить. Ни техникой, ни электроникой. Они все видели либо в натуре, либо по телевизору. Это своего рода виртуальное потребление. Но все же потребление.

Многие местные начальники и просто деловые люди сообразили, что к крупномасштабному сельскому производству в этих краях обратного пути уже не будет. Не будет тысячных стад, распаханых до горизонта полей, молокозаводов-гигантов. Дело в том, что местная продукция, как ее ни производи, очень дорогая. То же самое на Юге России продают в три раза дешевле. При общенародной плановой экономике на это не обращали внимание, а теперь обращают. По необходимости. На публике по идеологическим соображениям об этом еще открыто не говорят, дабы не возбуждать народ, но в частных беседах – очень часто.

А что будет? Скорее всего новая экономика здесь будет носить "очаговый" характер. И возникать она будет совсем по другим основаниям – вокруг доходоприносящих "фокальных" центров, например сельского туризма.

Те же самые сельские избы, уже опустевшие, но еще не распавшиеся, превращают в пейзажные гостиницы со всеми удобствами для любителей русского колорита, завораживающих ландшафтов, свежего воздуха и здоровой органической пищи. Набор услуг бывает самый разный: от минимального до почти что городского. Но тут вторгаются в эту "одну счастливую деревню" внутренние проблемы, а именно местная психология. И владельцы бизнеса, и обслуживающий персонал на все смотрят сквозь призму быстрого обогащения. К этому добавляется и глубинная нелюбовь к сервису как таковому. Обслуживание вообще считается среди местных чем-то постыдным. Поэтому и получается, что сельский туризм в основном вовлекает специалистов привозных, а не местных.

Даже такое дело, как охота, постепенно становится точкой не только браконьерского, но теперь уже и делового притяжения. Небольшие охотхозяйства переходят на коммерческий формат. Они четко блюдут численность животных в своих квадратах (иначе на кого же охотиться?) и пуще всякой государственной егерской службы, впрочем, практически не существующей, по законам тайги изводят браконьеров – своих злейших врагов и конкурентов.

Ко всему этому добавляется ягодный и грибной промысел, поставленный на коммерческую основу. Травный сбор. Чистая органическая сельхозпродукция – безумно дорогая, но тем не менее, весьма востребованная.

Вокруг этих очагов новой экономики заново возникает и сельское хозяйство, но в объемах, строго продиктованных нуждами сервисного бизнеса. Для сторонников старых экономических форматов все это может показаться сущей мелочевкой, о кото-

рой-то и говорить неприлично. Но это не так. По мелочам собранная и выстроенная сервисная экономика – быть может, единственный выход из положения, да и в совокупности она, по расчетам специалистов, может давать не меньше доходов, чем "большое" сельское хозяйство, которого уже и нет. Да и потом, есть ли альтернатива "очагам"? Только дальнейший путь на дно. А так еще и побороться можно.

Исследовательская группа. Основная гипотеза

Итак, гипотеза исследования состоит в том, что: а) *возврата к индустриальному и экстенсивно растущему сельскому хозяйству в его традиционных формах не произойдет*; б) *возникают новые форматы экономики и социальной структуры; в рамках предлагаемого исследования они получили наименование "очаговых"*.

В нашем понимании "очаговая" экономика и социальная структура исходят не из тотального покрытия территорий и поддержания поселений любой ценой, а из возникающих центров (очагов) экономически выгодной деятельности, которая "точечно" (фокально) воссоздает социальную структуру, обновляет, казалось бы, безвозвратно деградирующее население и порождает новые поселения.

Очаговая экономика и социальная структура не стремятся к тотальному освоению или поддержанию окультуренных территорий. Напротив, территориальное освоение происходит ровно настолько, насколько это экономически рационально. В этом смысле "очаговый" означает реально растущий, рациональный, ограниченный потребностями экономической деятельности, мобилизующий трудовые ресурсы соответствующей квалификации.

Так, в отдаленных районах Костромской области (полностью дотационных и дающих пример последствий экономического кризиса Севера) масштабное сельское хозяйство фактически себя исчерпало. Заросшие поля и сельские дороги, разрушенные фермы стали характерными признаками "поля после битвы" с природой. Ресурсов для поддержания инфраструктуры остается все меньше. Одновременно с этим к исчерпанию приходит и такой традиционный ресурс, как деловая древесина. Спелых лесов в этих районах остается все меньше.

Многофункциональность сельской экономики XXI века²

Для выживания многим северным районам России необходимо многофункциональное развитие хозяйства, отход от моноаграрной специализации не только предприятий, но и индивидуальных хозяйств. Понятие "многофункциональности" хозяйства связано с тем, что аграрный сектор следует рассматривать не только с позиции производства продукции растениеводства и животноводства, но и более широко, учитывая социальные и экологические аспекты. Многофункциональность предусматривает диверсификацию деятельности, широкое развитие ее несельскохозяйственных видов, включая различные виды несельскохозяйственного бизнеса. Такая стратегия является важным источником поддержания устойчивости развития сельской местности, занятости и доходов сельского населения. Ее роль всегда была велика из-за сезонности аграрного труда и невозможности обеспечить интенсивную круглогодичную занятость работников в сельскохозяйственном производстве. В будущем значение несельскохозяйственной деятельности еще более возрастет по мере сокращения удельного веса аграрной составляющей в местной экономике.

Для Костромской области к основным направлениям развития несельскохозяйственной деятельности, зародыши которых уже существуют, можно отнести: сельский и экологический туризм; заготовку и переработку дикорастущих плодов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья; устойчивые (с учетом сохране-

² В разделе использованы материалы профессора С. Бобылева.

ния биоразнообразия) охоту и рыболовство и обеспечение связанных с ними услуг; бытовое и социально-культурное обслуживание местного и сезонного ("маятникового") городского населения; точечную заготовку древесины и специализированную деревообработку, производство строительных материалов и строительство; хранение, переработку и сбыт экологически чистой сельскохозяйственной продукции (прежде всего, для обеспечения регионального спроса); сельскую торговлю и пр.

Одна из важных целей проекта – оценка потенциала устойчивости Костромской области (и прежде всего Мантуровского района) в условиях глобализационной трансформации российского Севера. Здесь важно оценить три вида факторов развития (или, говоря экономическим языком, три вида капитала) – *человеческий, физический, природный*. Если первые два вида и их вклад в общую устойчивость достаточно хорошо изучены в теории и на практике, то системный анализ природного капитала в стране практически не проводится.

Данная проблема, впрочем, характерна и для большинства зарубежных исследований. Во многом это связано с недооценкой экономической теорией природного капитала как в мире, так и в стране. Обычно рассматривается только одна функция природного капитала – ресурсообеспечивающая (земля, вода, лес и т.д.). Такой подход существенно занижает оценку природного потенциала региона. Как показывают последние исследования, в мире важно оценивать по крайней мере еще три его функции: экологические (экосистемные) услуги по поддержанию экологической устойчивости; "духовные" услуги природы (эстетические, культурные, исторические, этические и др. аспекты); обеспечение здоровья человека.

В перспективе будущего

Очевидно, что потенциал Костромской области и Мантуровского района, а также всего российского Севера по обеспечению всех четырех функций природного капитала огромен. Учитывая усиливающийся интерес горожан к такого рода районам, можно с известной долей условности сказать, что в достаточно близкой перспективе Мантуровский и соседние районы Костромской области превратятся в периферию Московского и Петербургского мегаполисов. Для экономической оценки этих функций можно использовать различный экономический инструментарий. В частности, перспективен подход "готовность платить", тесно связанный с социологическими исследованиями. По экспертным оценкам в Угорском сельском административном округе Мантуровского района Костромской области сезонная "маятниковая" миграция составляет 30–50% от численности населения округа. Эти приезжие ежегодно тратят сотни тысяч рублей (покупка, строительство и поддержание домов, покупка продовольствия и товаров, транспортные расходы и пр.) для удовлетворения своих потребностей в рекреационных и "духовных" услугах природы, поддержания здоровья и пр. То есть сохранение природы и ее "несельскохозяйственные" функции имеют реальную и очень высокую экономическую оценку.

Таким образом, глобализационные процессы вызывают к жизни достаточно неожиданные и экономически нетрадиционные формы экономики и социальной структуры. Речь идет о том, что ресурсы дикой природы, ландшафта и экологической качественной среды в ближайшей и особенно отдаленной перспективе оказываются более выгодными экономически и, следовательно, социально, чем традиционное сельское хозяйство и лесодобыча. Экологический туризм, рекреационная охота и рыболовство, санаторное обслуживание, фокальное экологически чистое сельскохозяйственное производство и аналогичные формы деятельности оказываются чрезвычайно востребованными и экономически выгодными "очагами" новой экономики. В свою очередь они формируют и соответствующую социальную структуру, включая трудовые ресурсы, поселения, транспорт, культуру и т.д.

Подобные *очаговая экономика* и социальная структура опираются на систематическую и, что особенно важно, саморегулирующуюся природоохранную деятельность

(ибо она становится экономически насыщенной и выгодной), привлечение высокообразованных кадров, воссоздание сельского хозяйства, ориентирующегося на потребности очаговой экономики, а не отдаленные рынки сбыта. Наше исследование "клеточной глобализации" сельских поселений показало, что проявление, "проступание" глобализации в отдаленных регионах Севера уже имеет место, притом во все усиливающемся темпе.

Глобализация и Север России³

В нашем исследовании важно было выяснить, как основные принципы глобализирующегося социума проявляются в конкретных условиях сельского Севера России. Результаты наших наблюдений привели к следующим выводам.

Процесс глобализации охватывает **все новые уровни и страты социальной структуры российского общества**. Несмотря на неравномерный и противоречивый характер, он обладает чертами устойчивости и безальтернативности с точки зрения генеральной тенденции развития.

Одним из проявлений общей тенденции становится "**клеточная глобализация**". Она заключается в макроизменениях повседневных практик, обычаев, привычек даже в тех сообществах, которые традиционно считаются периферийными по отношению к магистральным путям глобализации. Речь идет о сельских сообществах Севера России.

Формируется новая система рационализации экономической деятельности. Наблюдения показывают, что в последнее время превалирует именно *экономическая компонента в повседневной жизни*. Соображения простого дохода заставляют людей овладевать новыми профессиями, уходить на сезонные работы или, напротив, бросать официальное рабочее место ради максимизации прибыли от личного подсобного хозяйства или промысловой деятельности.

Действуют принципы *просчитываемости и предсказуемости*. Эти индикаторы глобализации особенно заметны сегодня в рамках тех сельских микросоциумов, которые обретают в деревне временное (сезонное) пристанище – прежде всего городских жителей, живущих в Москве, Санкт-Петербурге и других "миллионниках" и выезжающих в село из соображений экономии ресурсов, в первую очередь финансовых. Такие люди в рамках простых количественных моделей умеют просчитывать бюджет семьи, микробизнеса (например, заготовка продуктов на зиму; "что сколько стоит и как это соотносится с моими интересами"), у них действует фактор "ожидаемости" (просчитывание будущей перспективы чего бы то ни было).

Отмечается **всеохватность и комплексность изменений**: ни одна из социальных практик сельской повседневности не осталась неизменной за последние 15–18 лет. Однако эти изменения имеют различную напряженность в зависимости от их локализации. Наиболее заметно изменилась сфера приложения труда и радикально поменялась организация оставшейся производственной деятельности. Практики ведения семейного хозяйства изменились в сторону повышения их товарности, а также – обеспечения элементарного физического выживания.

Идут процессы **всеобщей изменчивости и пластичности повседневных практик**. Сельские старики убеждены в скором вымирании деревни. Они считают себя последним "законным" поколением, умеющим жить в деревенской среде. Этот пессимизм не разделяется приезжими из городов: "Всегда найдутся люди, которые любят и хотят жить в деревне..." Мотивировки в данном случае, скорее, эмоциональные и культурные. Но когда дело касается конкретных практик, превалируют эффективность, просчитываемость и предсказуемость.

³ В разделе использованы материалы профессора В. Виноградского.

Изменяется **восприятие географического пространства**. Не раз в разговорах с респондентами фигурировала мысль о том, что транспортная доступность в 500–600 км – факт не затрудняющий, а наоборот, облегчающий практики миграций и делающий последние достаточно комфортными ("Ужинаем накануне в Москве, потом ночной поезд и – завтракаем в родной избе в Хлябишино...") Таким образом, наблюдается такая важная характеристика клеточной глобализации, как подчеркнутая географическая мобильность, готовность "сдвигаться" в пространстве, иммиграционная нацеленность.

Происходит изменение в **организации и восприятии социального пространства**. Субъектам становятся неинтересными (иначе говоря, бесполезными, неэффективными) вертикальные этажи стратификации. Люди дислоцируются всецело на своем социальном горизонте. Налаживаются равноправно и равномерно нагруженные плоские сети межсемейной поддержки. В рамках и пространстве этих сетей уравниваются права и достоинства, профессиональные и экономические позиции членов данных сетей.

Развивается **множественность культурных феноменов**. Принцип и индикатор клеточной глобализации (содержание которого – "каждый может быть любим") и связанное с ними произвольное формирование культурных гибридов из составных частей обнаруживаются в сельской социальной среде с большим трудом. Сведения о подобных проявлениях и феноменах приходится буквально выколачивать из респондентов. Можно сказать, что такого рода формула поведения, скорее, импортируется в наборе внешних форм – приверженности к нетрадиционным товарам (одежда, обувь), культурным атомам (музыка, кассеты с фильмами и клипами). Таким образом, говорить о выраженной нравственной и культурной анархии, о броуновском движении культурных фрагментов можно, но лишь применительно к молодежи, приезжающей к родителям, бабушкам на каникулы, а также к детям городских дачников. Однако последних заметно ограничивают в демонстрации подобного рода культурных феноменов.

Новые шкалы престижей в потреблении только еще начинают вырисовываться. Прежде всего это выражается в появлении в сельской среде технологических новинок в сфере быта (разнообразной домашней техники и технологий), мелкого производства (использование новых инструментов и силовых агрегатов, химических препаратов и пр.).

Важный аспект изменений – **примордиальные феномены и гражданское общество**. Рост интереса к этничности и подчеркнутая самоидентификация ("кто я", "откуда" и пр.) наблюдаются в практиках современных сельских жителей в охотном поддержании тем, связанных с коренными принципами досоветского крестьянского жизнеустройства. Эти чувства и интересы систематически подогреваются интересом горожан к продуктам и артефактам сельской жизни (старинные прялки, колокольцы, полочки, деревянные изделия, этническая посуда). И если раньше деревня активно экспортировала эти предметы, то теперь, судя по некоторым высказываниям и действиям, начинает "придерживать" их в своем обиходе. Цель, видимо, двоякая – дождаться роста цены и сберечь для своих как знак крестьянского рода и сельского жизненного локуса.

Весьма важный индикатор "клеточной глобализации" – *self-reliance* (**полагание на свои силы**). В социальных практиках глубинной российской деревни он проявляется систематически. Необходимо только учитывать, что такого рода индикатор – не результат сознательно выбранной стратегии, а вынужденная необходимость. Полагание на собственные силы имело место даже в пору расцвета колхозной жизни, поскольку коллективное хозяйство могло предоставить своему члену лишь энергоагрегаты (трактор, лошадь) и "колеса" (тележку, автомобиль). Все остальное лежало на плечах самого субъекта (накосить, нарубить, заготовить и пр.). В настоящее время такого рода услуги предоставляются частниками в обмен на твердые деньги. Самогон как жидкая валюта повсеместно вытесняется из расчетных трансакций, которые приобретают денежную форму. Но это же обстоятельство сплачивает людей в том смысле, что

субъекты, полагаясь на себя, рассчитывают на сети поддержки, в которых всегда возможны уступки, авансы и отложенные платежи.

Принцип "имею право быть таким, каким хочу" наблюдается лишь в его внешних, культурно-демонстрационных формах. Это, кроме всего прочего, выражается и в том, что "чужака", нового человека принимают, если он не педалирует собственные отличия. То есть ты можешь делать то, что хочешь и быть своеобразным, если в твоих практиках фигурирует понятный и разгадываемый смысл.

Была отмечена также **замедленная кристаллизация институтов гражданского общества**. Такие его индикаторы, как свободное обсуждение интересующих всех вопросов, создание групп по представлению интересов населения, наличие свободных неформальных лидеров, появляются весьма спорадически. Как правило, такого рода связи происходят среди своих, неформально близких людей (соседей, родных и т.п.).

Появление в селе новых людей – **городских жителей ("дачников")**, **обосновывающихся в сельской местности**, – важнейший индикатор клеточной глобализации. Для изучения этой проблемы необходима дальнейшая работа, направленная на уточнение типологии городских сезонных мигрантов, а также на более полное понимание их мотивов. Особого внимания заслуживают следующие аспекты темы: чисто потребительское отношение к своей сельской собственности, вложение/невложение средств в сельскую собственность, возникновение деловых отношений с местным населением, установление взаимовыгодных социальных союзов.

Перспективы выхода сельских сообществ из порочного круга угасающего развития в условиях глобализации прежде всего связаны с переориентацией и перепрофилированием деятельности местных хозяйств. Попытки реанимировать (путем прямых инвестиций) производство традиционной и типовой товарной сельскохозяйственной продукции при ее чрезвычайно высокой себестоимости и неустойчивости по параметрам качества в условиях открытых рынков и нарастания конкуренции (в частности, при вступлении России в ВТО) практически бесперспективны. Сельские сообщества на Севере России нуждаются в переориентации и реализации новых моделей хозяйственной деятельности. Например, в раскрытии рекреационных и других экономических перспектив района. В противном случае этим сообществам реально грозит достаточно быстрое демографическое вымирание на фоне все более жесткого усугубления социальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Российский северный вектор. М., 2006.

© Н. Покровский, 2009